

УДК 316.472.4:316.454.4:004

ПРАКТИКИ СОЛИДАРНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

С.А. Рафикова, – доктор исторических наук, профессор Сибирского государственного университета науки и технологий им. академика М.Ф.

Решетнева; г. Красноярск

Аннотация. В статье представлена авторская шкала типологизации солидарности, позволяющая не только методологически осмыслить данный феномен, но и стать рабочим инструментом анализа реальных практик солидарности на различных конкретно-исторических срезах. В данном случае на российском материале выявляются тенденции солидаризации современного общества в условиях глобальной информатизации.

Ключевые слова: солидарность, практики солидарности, цифровая эпоха, информационные технологии, Интернет-солидарность.

THE PRACTICE OF SOLIDARITY IN THE DIGITAL ERA

S. A. Rafikova, - doctor of historical Sciences, Professor of Siberian state University of science and technology. academician M. F. Reshetnev; Krasnoyarsk

Annotation. The article presents the author's scale of the typology of solidarity, which allows not only to methodologically comprehend this phenomenon, but also to become a working tool for analyzing real solidarity practices in various specific historical sections. In this case, the Russian material identifies trends in the solidarization of modern society in the context of global informatization.

Key words: solidarity, solidarity practices, digital era, information technology, Internet solidarity.

Слово «солидарность» в разговорной речи за короткий период пережило заметные метаморфозы. В советские времена оно звучало часто и гордо,

ассоциируясь с единением, братством, взаимной поддержкой, добрососедством, коллективизмом, всенародным праздником 1 Мая. Именно так его воспринимают представители старших возрастов, что находит подтверждение в сотнях собранных нами воспоминаний обычных людей [8]. С началом перестройки это слово, политизированное благодаря яркому выступлению одноименной организации, возглавившей польское забастовочное движение, стало употребляться все реже, а с развалом Советского Союза и сменой поколений, казалось бы, совершенно потеряло свой изначальный смысл. Но сегодня в условиях заметного роста солидарной активности «снизу», интерес к данному феномену вновь актуализируется, что заметно как на быденном, так и на научном уровне.

При этом, следует отметить отсутствие единого научного понимания термина. Имеющиеся определения делают акцент на: активное сочувствие мнениям или действиям; единство убеждений и действий; достижение общих групповых целей; общность интересов, ценностей, жизненных смыслов; согласование действий социальных субъектов; круговую поруку (профессиональную, гендерную); взаимопомощь; совместную ответственность; совместную борьбу; идентификацию по различным основаниям (территории, социальному статусу, этносу, религии) и т.п.

По-видимому, все означенные аспекты имеют отношение к солидарности (от лат. *solidus* - прочный), но принимая во внимание наиболее универсальные из них, правомерно понимать под солидарностью принцип социального существования, основанный на согласованности интересов и/или действий по достижению общих целей. Исходя из такого понимания, солидарность является важнейшим условием стабильности и воспроизводства социальной системы, собственно делая общество обществом, в то время как отсутствие оной является признаком социальной патологии и коллективной безответственности.

Один из отцов-основателей профессиональной социологии Эмиль Дюркгейм своей докторской диссертацией и первой большой книгой [3] задал

основной подход к осмыслению солидарности, выделив два ее вида: *механическую* (вынужденную солидарность традиционного общества) и *органическую* (основанную на общих смыслах и ценностях, уважении человеческой личности).

Однако, на наш взгляд, Дюркгейм тем самым обозначил лишь полюса солидарности, в то время как в реальной жизни существует более сложный диапазон, с переходными ступенями и градацией по основаниям и степени проявленности свободы. Это – во-первых. Во-вторых, переход от механической к органической форме солидарности происходит не прямолинейно и автоматически с перерастанием традиционного общества в современное и с разделением общественного труда, как полагал Дюркгейм, хотя сам же вынужден был признать, что без моральных правил разделение труда не обеспечивает солидарности.

Рискнем представить спектр «*солидарностей*» условной шкалой, выделив следующие их типы/уровни:

- *анти-солидарность* – проявление крайнего индивидуализма и эгоизма, допускающего, а то и предполагающего использование других ради собственной выгоды: «я – пуп земли, мне всё позволено»;
- *нейтральная* (нулевая, толерантная) – отсутствие рассогласований и антагонизма: «живи сам, не мешай жить другим»;
- *вынужденная* (безальтернативная) – необходимость совместного выживания в экстремальных условиях, жестких родовых, кастовых или социальных связях: «никуда не денешься с подводной лодки»;
- *добровольно-принудительная* (переходная) – наличие формальной свободы при весьма затрудненной реальной свободе выбора: «одной веревкой связаны»;
- *добровольно-протестная* – объединение на почве совместной борьбы, доходящей в крайних проявлениях до антагонизма и экстремизма: «в борьбе обрешь ты счастье свое»;

- *добровольно-прагматическая* – получение совместной выгоды: «вместе выгоднее»;
- *добровольно-компромиссная* (рационалистическая) – нацеленность на разумный эгоизм, социальный контракт, согласование интересов: «ты – мне, я – тебе»;
- *добровольно-эмпатическая* – достижение созвучности установок и поведения участников в процессе взаимодействия: «со всеми и для всех»;
- *добровольно-благотворительная* (альтруистическая, идейно-нравственная) – бескорыстное и безвозмездное служение другим, вплоть до самоотвержения и самопожертвования: «общее благо превышает личного».

Чем выше уровень солидарности, тем в большей степени проявляются принципы добровольности, активной роли личности, общности интересов, организации совместной деятельности, закреплённости в повседневной жизни. Для каждого конкретного исторического периода характерны свои уровни солидарности и их комбинации, определённый набор типичных практик солидарности, под которыми обычно понимается форма социального взаимодействия, основанная на самоорганизации и взаимопомощи.

Что происходит с этими практиками в современную эпоху тотальной информатизации, дигитализации, гаджетизации? Есть ли у них перспективы на новом этапе развития человечества, открывающем принципиально иные возможности коммуникации, информационного обмена, профессионального и личностного развития, более оперативного и эффективного решения многих проблем? Каковы тенденции солидаризации российского общества?

Несмотря на наличие довольно обширной литературы и проведение социологических обследований на заданную тему [1, 2, 4, 5, 7, 9 и др.], она остается недостаточно осмысленной и репрезентативно представленной, что затрудняет ответы на поставленные вопросы. К тому же, динамика изменений современного мира столь велика и социальная обстановка столь лабильна, что результаты мониторинга годичной давности (даже если они не ангажированы),

могут быть уже нерелевантными.

Тем не менее, основные тенденции все более очевидны. Да, превалирующий в современном обществе индивидуализм и эгоизм разрушает практики солидарности, но «анти-солидарность» рано или поздно неизбежно приводит к рубежу, к добровольному или вынужденному пониманию, что в одиночку не спастись и не выжить, что «один в поле не воин», «в бункере не отсидеться», «солидарность – не роскошь, а средство выживания» и т.п.

Современные средства коммуникации, охвативший земной мир Интернет, тотально разросшиеся социальные сети и т.п., с одной стороны, заменяя реальное общение и взаимодействие виртуальным, атомизируют общество. Но, с другой стороны, они же несут в себе невиданный ранее потенциальный заряд к единению. Через социальные сети информация молниеносно распространяется, преодолевая государственные, национальные, возрастные, цензурные и прочие границы и препоны. Попадая на подготовленную почву, она проявляет себя не только виртуальными репостами, но и реальными практиками солидарности с вероятностью невиданно массовых охватов и объединения совершенно незнакомых людей в «критическую массу». На наших глазах рождаются новые формы солидарности: виртуальные сообщества, электронные петиции, социальные флешмобы и проч., что фиксируется неологизмом «Интернет-солидарность» [8].

В России уже накоплен богатый опыт использования Интернет-солидарности на уровне реализации микросоциальных практик повседневного взаимодействия по месту жительства и по интересам, низовой кооперации, общественных движений в рамках местного самоуправления по широкому спектру вопросов (среда проживания, тарифы ЖКХ, обманутые дольщики, дороги, экология, здравоохранение, образование, многодетные семьи и т.п.). Тиражирование с помощью информационных технологий успешного опыта коллективного решения проблем становится базой для появления и макросоциальных практик, нацеленных на достижение справедливости,

правопорядка, социального благополучия, экологической безопасности и т.п.

Рождению макро-практик солидарности способствует не только наличие низового опыта построения горизонтальных связей, но и знание законов глобального единства и вселенской гармонии. «Все в мире едино» - об этом говорится во многих религиозных и философских учениях, в мифологии и литературе. Сегодня это находит подтверждение в научно обоснованных моделях строения мироздания.

Таким образом, в современном российском обществе (по крайней мере, на «низовом» его уровне) существует явный запрос на солидаризацию, и люди хотят видеть в государстве посредника, направляющего авторитет и широкие полномочия власти на согласование интересов, снятие противоречий, контроль за вектором развития социально ориентированной экономики. При этом, цифровая эпоха позволяет использовать сверхэффективные инструменты формирования практик солидарности. Противостояние этим запросам и возможностям со ставкой на репрессивно-запретительные меры или игнорирование – это уход от конструктивного решения проблем, опасность выплеска солидарной энергии в деструктивно-протестные формы. Хочется верить, что Россия сможет этого избежать, и что практики солидарности превратятся не только в основу выживания, но и в вектор ее устойчивого развития.

Литература

1. Волков Ю. Г. Солидарная активность в российском обществе: креативные практики // Социологические исследования. 2017. №2. С. 41-48.
2. Городские движения России в 2009-2012 годах: на пути к политическому. Ред. К. Клейман. М.: НЛО, 2013. – 544 с.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда (1893). - М.: Канон, 1996. - 432с.

4. Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л. Транзитная солидарность в современной сетевой культуре: между карнавалом и травмой // Социологические исследования. 2019. №5. С. 119-128.

5. Климова С. Г. Идеи и практики солидарности в добровольческом движении // Социологические исследования. 2013. № 6. С. 32-41.

6. Ксенофонтова И. В. Интернет-солидарность: методологические основания подхода и практика изучения: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.01. – М.: ИС РАН, 2014. – 184 с.

7. Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 52–61.

8. Рафикова С. А. Устно-исторические источники как способ оживления Истории // Устная история (Oral history) в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве. Научное издание / Отв. ред. Т.К. Щеглова.- Барнаул: Азбука, 2017. – С. 34-45.

9. Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В. Интернет-практики солидарности: социологический аспект // Научный альманах. 2016. №2-4. С.106-110.